

ца моего ока!» — и хлестал со всей силы себя по щекам, и лишился в конце концов чувств.

И при виде такого горя подумала Фатима: «Значит, и впрямь был у мужа ещё один брат». Она помогла ему подняться на ноги, усадила за стол и сказала:

— Ты только сам так себя доведёшь до могилы, а Мустафу всё равно не вернёшь.

Снова заплакал Абаназар.

— Ты, о достойная вдова моего брата, никогда обо мне не слышала. Уж сорок лет как мы с ним расстались. Обошёл я за это время полсвета. Видел хорошее и дурное. В делах своих преуспел. И подумал тогда: вот живу на чужбине я в сытости и довольстве, а брат мой, может быть, бедствует и во мне нуждается. Поспешил я на родину, но не дал мне Всевышний свидеться с Мустафой, и сердце моё оттого полно горя. И вот кто отныне единственная отрада очей моих, помутневших от скорби, — племянник мой дорогой, Аладдин. Расскажи-ка ты мне теперь, о сын Мустафы, чему успел выучиться?

Аладдин смущённо молчал.

— Ничему он не выучился, — ответила за него Фатима. — Одни проделки да развлечения у него на уме. И отцовское дело не пожелал продолжать. Мустафа-то из-за того и умер от горя.

— Не годится такому красавцу и умнице жить без дела, — покачал головой Абаназар. — Выбирай ремесло по вкусу, и отдам я тебя в учение к самому лучшему мастеру.

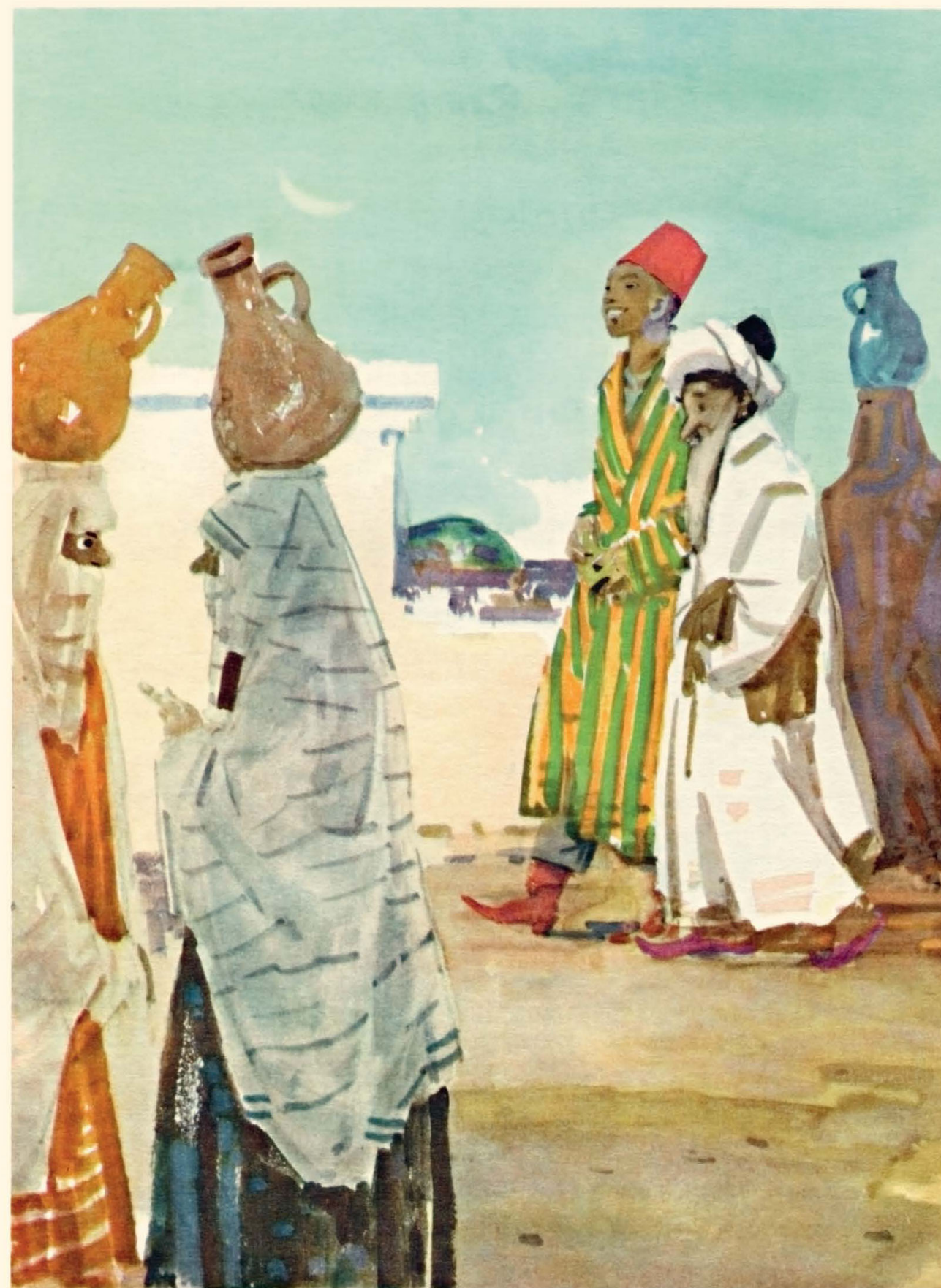
Но Аладдину не нравилось ни одно ремесло, и он опять промолчал.

— А не хочешь ремёслам учиться, — узрел тоску на его лице хитроумный Абаназар, — куплю-ка я тебе лавку с богатым товаром и познакомлю с купцами, чтобы увидел ты, чем и как торговать.

Чуть не взлетел к потолку от радости юноша. Торговое дело как раз его очень прельщало. Если его с умом повести, то можно весьма преуспеть. Богатых купцов было в городе много. И видел он, сколь они хорошо одеты и как уважаемы.

— Да, дядя, — ответил он и поцеловал ему руку.

И Фатима была очень довольна, что сын наконец-то займётся делом.

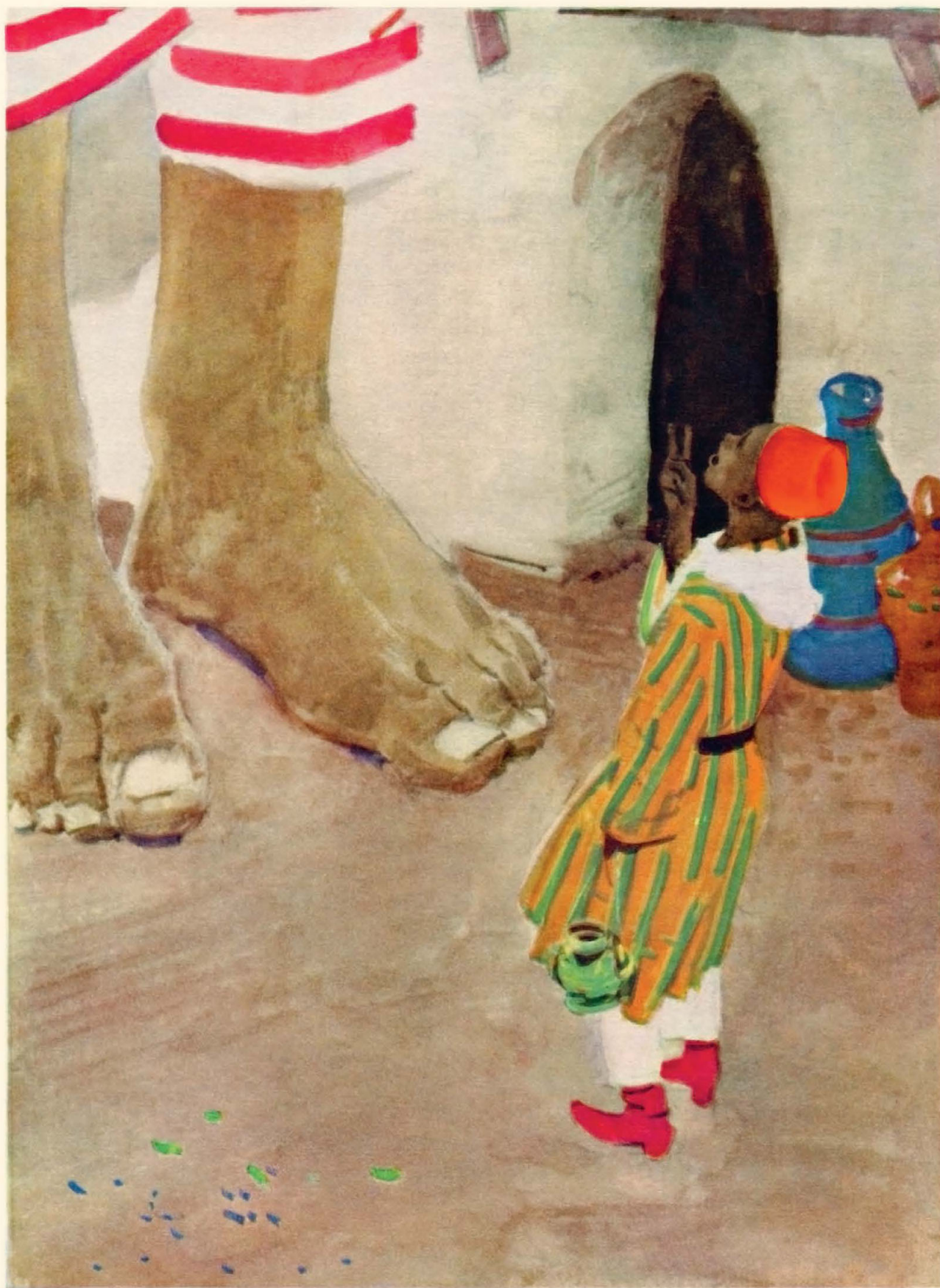
ми вазами тончайшей чеканки, с ажурной оплёткой и эмалевыми орнаментами. Руки сами тянулись потрогать их, но юноша хорошо запомнил, чем это ему грозит. Медленно, шаг за шагом он продвигался вперёд по узенькому извилистому проходу. Любое движение приходилось соразмерять, чтобы чего-нибудь не коснуться. И когда наконец было пройдено первое помещение, пот лил с Аладдина градом, а дыхание сбилось.

Второй зал был пуст. Аладдин пошёл быстрее. Вот уж и дверь показалась. Но когда он приблизился к ней, справа и слева выросли словно из-под земли два огромных змея. Оба чудища одновременно взмыли вверх и застыли, опираясь на хвосты. По залу разнеслось громкое грозное шипение. Один из змеев был от загривка и до хвоста покрыт гигантскими рыбьими плавниками. Другой смахивал на невероятных размеров удава. Юноша похолодел. Бежать! Бежать без оглядки! Но вспомнил он слова дяди: «Чем больше твой страх, тем ужаснее будет увиденное». Шумно выдохнул Аладдин и двинулся прямо навстречу шипевшим чудовищам. А они по мере его приближения начали съёживаться и съёживаться, пока не превратились в крохотных червячков, которые боязливо юркнули в трещины пола.

Аладдин дёрнул за ручку двери. Заперто. Он растерялся — ключа нигде не было. «Наверное, надо снова назвать своё имя и имена родителей», — сообразил он. Помогло: дверь сама распахнулась. И вошёл он в чудесный сад. Запах заморских цветов опьянил его. А на деревьях среди сочно-зелёной листвы красовались такие яркие и огромные плоды, каких Аладдину бы не привиделось даже в прекрасном сне. А он устал, во рту пересохло от только что пережитого страха, и так хотелось ему сорвать хоть один из этих чудесных фруктов. Но он шёл вперёд и вперёд, пока не увидел террасу, под потолком которой и впрямь горела медная лампа.

Приставил он лестницу, сделал всё, как велел ему мавр, и с лампой за пазухой поспешил через сад обратно. Теперь он мог съесть здесь всё что угодно, только плоды оказались ненастоящие. Все они были из драгоценных камней, но Аладдин принял их за цветные стекляшки. Он ведь рос в бедности и драгоценностей никогда даже близко не видел. Зато ему очень понравилось их сияние, и он набил

И услышал вдруг Аладдин мамин истошный крик, вылетел он во двор. И видит: мама лежит на земле, а над ней страшный джинн склоняется, до того высоченного роста, что голова Аладдина ему едва до колен доходит.

— Кто ты? — воззрился он с ужасом на великана.

— Раб лампы. Вызван был — и явился, — громом пророкотал великан.

Тут Фатима очнулась и как закричит:

— Сгинь с моих глаз долой, проклятое чудище!

И великан послушно пропал.

— Сам, если хочешь, неси на базар эту лампу, — с трудом поднялась с земли Фатима. — А я больше к ней не притронусь. И так чуть не умерла от страху.

— Нет, мама, теперь уж мы никому её продавать не будем, — понял, какое сокровище оказалось в его руках, Аладдин. — Она же волшебная, и раб её готов нам служить.

Он схватил лампу. Потёр её. Дрогнула под ногами земля. Мать с криком укрылась в доме. А джинн-великан навис с поклоном над юношей.

— Вызван был — и явился. Приказывай.

— Принеси-ка мне самой лучшей еды, да побольше, — велел Аладдин.

И не успел даже глазом моргнуть, как увидел в руках раба лампы огромный серебряный поднос, а на нём, в золотых блюдах и золотых кувшинах, множество яств и напитков. Поставил джинн свою ношу на землю, застыл в ожидании.

— Спасибо. Больше ничего не нужно, — сказал Аладдин, и раб растворился.

— Мама! — прокричал Аладдин. — Сейчас у нас будет с тобой обед, о каком мы даже мечтать не могли!

Потрясло Фатиму такое великолепие.

— Ох, сынок, это, видно, султан прослышал о том, как мы бедствуем, и прислал от щедрот своих.

— Какой там султан! — засмеялся юноша. — Это принёс нам джинн, раб лампы, которого ты испугалась.

— Избавился бы ты лучше от этой лампы и перстня своего колдов-

дежды. Ну как мне идти с такой просьбой к султану без богатого подношения?

Она думала, что её слова избавят его от напрасных надежд, а он вдруг обрадовался. Вот и нашли его камни достойное применение.

— Нет, мама, ты не пойдёшь к султану с пустыми руками, — уверенно произнёс он. — Ведь я из подземного сада принёс не стекляшки, а самые настоящие драгоценные камни. Ручаюсь, султан никогда подобных не видел и примет их как достойный дар.

Он отправился на свою половину дома, взял золотое блюдо и с верхом наполнил его самыми крупными и красивыми камнями. Зажмурилась Фатима от их переливчатого сияния, но снова засомневалась:

— Примет султан твой дар и начнёт выпрашивать, кто ты, откуда. И как я ему отвечу? Ты ведь, Аладдин, и рода незнатного, и заслуг у тебя государственных нет.

— Если спросит, скажи, что ответ об этом я дам ему позже, — бодро откликнулся сын. — Ты, главное, у него руку принцессы проси, а остальное — моя забота.

И больше не стала спорить с ним Фатима. Завязала она блюдо с камнями в кусок ткани и отправилась во дворец к тому часу, когда султан принимал просителей. Набиралась она по дороге смелости, но оробела, входя во дворец: сперва от вида грозной дворцовой стражи, а потом — от ослепительного блеска тронного зала.

Султан на высоком помосте утопал в мягких подушках. Рядом — главный визирь, чуть дальше — придворные. У их ног суетилась толпа просителей. Онемела, застыла от робости Фатима возле самой двери, да так там и пробыла, пока время приёма не кончилось.

Три дня спустя султан опять принимал просителей. Снова пошла Фатима во дворец, и всё повторилось. Но она продолжала и продолжала ходить. Уж и стража её узнавала. А месяц спустя сам султан осведомился у визиря:

— Не ведомо ли тебе, почему эта странная женщина постоянно приходит, но ничего у меня не просит?

— Нет, о султан, — пожал плечами визирь. — Ничего я о ней не знаю. Верно, очередная безумица. Надо страже велеть, чтобы больше её не пускали.

только наполовину, — распорядился юноша.

— Как скажешь, — поклонился раб лампы.

Наутро султан проснулся и увидел на месте бывшего пустыря дворец богаче, чем его собственный. А тут и сам Аладдин подъехал со своими сорока воинами.

— Ну, визирь, убедился ты наконец, что нет во всём мире достойнее жениха? — спросил султан.

— О великий султан, — отвечал ему тот. — Никто из смертных не в силах построить такое за одну ночь. Это чистое колдовство. И тот, кто способен на это, уж не захочет ли тебя власти лишить?

Рассердился султан:

— Сколько же в тебе злости и зависти к тем, кто способны на большее, чем ты сам!

И умолк визирь. А султан пошёл встречать Аладдина.

Тот сразу повёл его в новый дворец. Пол сплошь устлал богатыми коврами. Мебель была тончайшей работы. Куда ни кинь взгляд — всюду роскошь изысканных инкрустаций, сияние золота, серебра, драгоценных камней. И вид Фатимы удивил султана: она совсем по-другому одета была и держалась. Та ли это просительница, которая с жалким видом месяц простояла у его двери?

Днём был устроен свадебный пир. Город сиял от огней и цветов. Жители славили щедрого и прекрасного Аладдина. Султан после пира вывел знатных гостей на площадь перед дворцом. Лучшие его воины там устроили игры, состязались в силе и ловкости. Аладдин захотел испытать себя и из всех оказался самым смекалистым, ловким и сильным. Никто не смог одержать над ним верх.

Бадральбадур наблюдала за играми из окна своих покоев. Вздыхала, ошеломлённая красотой и удалью Аладдина. И думала, обмирая: «А ведь именно такой муж мне всегда представлялся в мечтах».

Когда же позже ввела её Фатима к нему во дворец, пленил он её окончательно.

Султан на другой день явился проведать дочь.

— Ну, о жемчужина моего отцовского сердца, угоден ли тебе этот муж? — спросил он.

И ответила Бадральбадур с сияющим взглядом:

— Щепотки будет достаточно, — сказал он и скрылся.

Аладдин вернулся к жене, вручил ей сонное зелье, а себя велел спрятать в большом сундуке, который был выложен сплошь изумрудами и сапфирами. Вытащила Бадральбадур оттуда свои платья. Аладдин залез внутрь и провёл в духоте и тесноте всю ночь и всё утро. Когда же явился Абаназар, он начал следить внимательно сквозь замочную скважину, в любую минуту готовый выскочить на подмогу жене, если что-то пойдёт не так.

Но Бадральбадур прекрасно изобразила влюблённую. Повела она с колдуном такие сладкие речи, что поверил он в её чувства. Радостно принял он из её рук чашу со сладким напитком, сделал глоток и свалился без чувств на ковёр.

Выскочил из сундука Аладдин. Извлёк из-за пазухи колдуна волшебную лампу. И схватился за саблю, чтобы отсечь негодяю голову. Но замерла вдруг его рука. Жалко вдруг стало злодея.

«Хотел он, конечно, лишиться меня и любимой жены, и жизни, но ведь, не встретить я его, ничего бы у меня не было», — пронеслось в голове у Аладдина.

Он убрал саблю в ножны и потёр лампу.

— Вызван был — и явился, — пророкотал, упираясь головой в потолок, джинн-великан.

— Отнеси-ка, пожалуйста, Абаназара туда, откуда он никогда не сможет вернуться и причинить кому-нибудь зло, — велел Аладдин.

И очутился спящий Абаназар на дальнем краю Земли, где не было, кроме него, ни единой живой души. Там предстояло ему пробудиться и коротать в одиночестве дни до скончания своего века.

Аладдин же с принцессой вернулись в свой город. Встретил султан со слезами радости дочь, помирился с зятем. Семь дней подряд город праздновал возвращение молодых. И ничто больше не омрачало счастья их долгой жизни.

